

УДК 81.11

Л. М. Бондарева

К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОНЦЕПТА «ПРОСТРАНСТВО» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Рассматривается характер взаимодействия концептов времени и пространства, анализируются особенности моделирования пространственных отношений в процессе когнитивной деятельности человека, описываются универсальные способы вербализации пространственных структур и атрибутов. Особое внимание уделяется теории первичных и вторичных пространственных дейксисов немецкого лингвиста А. Фридеричи, в которой представлена система координат, дающих субъекту познания возможность осуществлять ориентацию в окружающем его пространстве.

This article considers the relationship between the TIME and SPACE concepts. The features of modeling space parameters in human cognitive activities and the universal ways of verbalization of space structures and attributes are analyzed. The research is focused on the theory of primary and secondary space deixis put forward by the German linguist A. Friderici, which presents a system of coordinates giving the subject of cognition the possibility to navigate in the surrounding space.

23

Ключевые слова: время и пространство, концепт пространства, вербализация пространственных отношений, первичные дейксисы, вторичные дейксисы.

Key words: time and space, concept of SPACE, verbalization of space parameters, primary deixis, secondary deixis.

Концепты времени и пространства относятся к тем общечеловеческим феноменам ментального характера, которые являются фундаментальными фрагментами универсальной картины мира, релевантной для любого национального языка. Наряду с модальностью, посессивностью, количеством и прочими категориями время и пространство, по мнению М. А. Кунижева, составляют корпус основных категорий, формирующих человеческое мышление и деятельность [3, с. 5–6]. А. А. Худяков, особо подчеркивая факт нерасторжимости и в известной степени взаимообратимости времени и пространства, указывает, что мир состоит из событий, имеющих пространственно-временную протяженность [6, с. 13].

Впрочем, сразу необходимо заметить, что сама проблема пространственно-временных отношений не всеми исследователями трактуется столь однозначно, вследствие чего в современной лингвистике продолжаются научные дискуссии по данному вопросу. Н. А. Беседина абсолютно резонно констатирует в связи с этим наличие двух основных точек зрения, к которым апеллируют ученые [1, с. 25]. Согласно одной позиции утверждается неразрывная связь времени и пространства и существование в прошлом нерасчлененных единых пространственно-временных характеристик. С другой точки зрения, пространственные

отношения были выделены раньше, чем временные, поскольку в онтогенезе человека, пишет Н.А. Беседина, первичным является умение ориентироваться в пространстве, а способность ориентироваться во времени развивается гораздо позже.

На наш взгляд, второй подход к проблеме имеет больше оснований считаться продуктивным, поскольку пространство в качестве объекта когнитивной деятельности отдельного субъекта и социума в целом а priori является более доступным для его концептуализации, что обусловлено несомненной объективностью локальных параметров как материально, «вещно» осязаемой данности человеческого бытия по сравнению с известной субъективностью темпоральных репрезентантов.

24

Как известно, время обладает не только видимыми, воспринимаемыми нашими органами чувств составляющими (например, смена дня и ночи, времен года и пр.), но и условными, конвенциональными структурами, к которым, в частности, относятся единицы измерения времени (секунды, минуты, часы, недели, месяцы, годы и т.д.), сформировавшиеся в рамках коллективного человеческого опыта. В результате мы можем говорить о том, что время есть в значительной степени идеальный, ментальный конструкт динамического свойства, постигаемый главным образом через статичное пространство.

Итак, пространство, более «конкретное» и понятное для субъекта познания даже чисто психологически, изначально осмысливается нами как трехмерное. Ощущение трехмерности пространства объясняется рядом психобиологических факторов, к которым, как указывает немецкий лингвист В. Эрих, относятся следующие [8, S. 2–3]:

- вестибулярно управляемое ощущение силы притяжения, передающей нам ощущение состояния вертикальности (вверху / внизу);
- зависимое от этой силы ощущение латеральности (слева / справа);
- ориентация в визуальном восприятии, обеспечивающая ощущение горизонтальности (впереди / сзади).

Отечественный исследователь Е.Г. Брунова приходит к выводу, что процесс моделирования разнообразных отношений в пространственных терминах уходит своими истоками в глубокую древность (здесь и далее цит. по: [5, с. 28–29]). Представления о пространстве начинают формироваться на основе простейших ощущений и врожденных (подсознательных) реакций человеческого мозга на окружающую среду, таких, как ощущение силы тяжести и различение верха и низа, ощущение равновесия, осознание целостности своего тела и его поверхности как границы, выделение в окружающем мире отдельных пространственных объектов и действий и их восприятие как источников действий.

Таким образом, резюмирует Е.Г. Брунова, элементарной и универсальной познавательной моделью для человека служит его собственное тело, взаимодействующее со средой. Становится понятным, что антропоцентризм пространственной концепции связан с присущим человеку инстинктом территориальности, выражающимся в стремлении к освоению пространства, закреплению на нем, ограждению и защите в знаковых формах.

Вполне понятно, что пространственные отношения, отражающие координацию объектов, являются онтологически обусловленными фундаментальными связями, с которыми сталкивается человек, познающий объективную реальность. При этом рассмотрение проблемы пространства в научном плане может осуществляться с позиций глобального, широкого подхода (в переносном значении) и с позиций его понимания в прямом, конкретном значении, то есть как совокупности определенных объектов материального мира.

Безусловно, семантика пространственных отношений и способы их языковой репрезентации всегда привлекали внимание отечественных и зарубежных лингвистов. Так, В.В. Красных отмечает, что в широком смысле слова при формировании пространственного кода любой культуры окультуривание человеком окружающего мира и в филогенезе, и в онтогенезе происходит с осознанием категорий «свой – чужой», то есть в процессе членения пространства на «свой» и «чужой» миры (здесь и далее см.: [2, с. 236]). В результате, по мнению исследователя, общая структурация мира личностью может быть представлена следующим образом:

- внутренний мир человека, понимаемый в контексте соматического (телесного) кода культуры, так как универсальной единицей измерения пространства являются параметры человеческого тела. Этот мир суть то, что ограничивается телесными границами;
- фрагмент внешнего по отношению к телу человека мира, который является «собственностью» человека, входит в его личное пространство, образуя личную зону;
- фрагмент внешнего мира, выходящий за пределы личной зоны, но осознаваемый как «близкий, свой, родной»;
- фрагмент внешнего мира, который воспринимается и осознается человеком как «чужой, чуждый, враждебный».

С другой стороны, рассуждает В.В. Красных, в когнитивном плане каждый человек/говорящий обладает как своим индивидуальным когнитивным пространством, так и набором коллективных когнитивных пространств тех социумов, в которые он входит. Совокупность всех индивидуальных когнитивных пространств представляет собой, таким образом, информационно-эмоциональное («этническое») поле, или национальное культурное пространство [2, с. 23].

В более узком, или конкретно-прикладном, прямом понимании концепт «пространство» может быть репрезентирован, по мнению Е.В. Пупыниной, концептами «объект», «событие», «место». При этом признаки концепта «объект» отражают знание о материально-вещественном аспекте пространства, признаки концепта «событие» – о структуре и функции пространства, а концепт «место», в свою очередь, показывает диалектическую связь признаков концептов «объект» и «событие» [4, с. 4–5].

Впрочем, языковое отражение пространственных структур, атрибутов и данностей, несмотря на всю их доступность, вызывает определенные сложности, в связи с чем мы бы хотели обратиться к соответствующей концепции немецкого лингвиста А. Фридеричи (здесь и далее см.:

[10, S. 17]). Согласно исследователю, трудности подобного рода заключаются в принципиальном структурном различии пространства и языка: пространство, как известно, трехмерно, а язык реализуется как упорядоченная последовательность в одномерном времени. Следствием ограниченности возможностей отражения пространства в языке является тот факт, что слушатель не всегда может связать получаемую им языковую информацию с однозначными пространственными представлениями.

Процесс восприятия трехмерного реального пространства, указывает далее А. Фридеричи, осуществляется при помощи различных перцептуальных систем: визуальной, вестибулярной, тактильной и моторной — на фоне доминирования визуальной системы. Интерпретация человеком пространственной информации предполагает создание определенной системы координат (*Referenzrahmen*), позволяющих устанавливать позиции в пространстве, поскольку пространство само по себе изотропно и не имеет преферентной оси отсчета (*Vorzugsachse*), которая могла бы служить в качестве однозначной точки референции. Однако благодаря существованию силы тяжести пространство, отображаемое человеком, приобретает явно выраженную *вертикальную ось*, относительно которой мы его и воспринимаем. Следовательно, констатирует исследователь со ссылкой на ряд ученых (Rock, 1973; Clark, 1980; Lorenz, 1981; Shepard, Hurwitz, 1984), именно сила тяжести является главной детерминантой при выборе конкретных координат для восприятия пространства, его концептуализации и ориентации в нем [10, S. 17].

Что касается ментальных «отпечатков» пространственных атрибутов, то этот вопрос до сих пор активно дискутируется, в частности, в когнитивной психологии, в соответствии с чем можно упомянуть две релевантные концепции (здесь и далее см.: [10, S. 21]). Так, отмечает А. Фридеричи, некоторые ученые (напр., Pilyshin, 1973, 1980) предполагают, что такие ментальные репрезентации существуют в форме пропозиций, то есть высказываний, из которых в случае необходимости могут быть составлены «внутренние картинки». Однако, на что особо указывает автор реферируемой статьи, большинство исследователей (в частности, Downs, Stea, 1973; Kosslyn, Shwartz, 1978; Pinker, Kosslyn, 1978) считают, что в этом случае следует говорить об образных репрезентациях реального мира, возникающих на основе не прямой, а функциональной аналогии. Подобные ментальные «отпечатки» пространства, называемые также «когнитивными картами» (*cognitive maps*), рассматриваются как исключительно абстрактные репрезентации селективного характера, которые находятся в косвенной взаимосвязи с реальной действительностью.

Мы считаем необходимым в данном контексте дать краткий комментарий по поводу *когнитивных карт*, которые рассматриваются упомянутыми выше учеными в качестве неотъемлемой составляющей нашей повседневной жизни: от этих карт зависит пространственное пове-

дение человека, а сами когнитивные карты являются продуктом когнитивной «картографии». При этом под данным понятием ученые подразумевают способ действия, заключающийся в ряде когнитивных трансформаций, с помощью которых субъект усваивает, кодирует, накапливает, вызывает и декодирует информацию об относительном положении и свойствах феноменов своего повседневного пространственного окружения (подробнее см.: [7, S. 19–20]).

Возвращаясь к рассуждениям А. Фридеричи, мы бы хотели обратить внимание на представленную в них концепцию *пространственных дейксисов*. Автор, ссылаясь на Д. Вундерлиха (Wunderlich, 1982) и В. Эрих (Ehrich, 1985) автор апеллирует к тому факту, что все известные мировые языки располагают двумя классами слов, которые делают возможным отражение пространственных отношений в языке: речь идет о системе первичных и вторичных пространственных дейксисов [10, S. 24].

Так, например, в немецком языке, пишет исследователь, система первичных пространственных дейксисов включает в себя три компонента: она состоит из слов *hier*, *da* и *dort*. Система вторичных пространственных дейксисов также обладает тремя компонентами, причем для каждой из трех пространственных осей имеются, соответственно, по два элемента: обозначающие вертикаль (z-Achse): *oben/unten*; задающие горизонталь (x-Achse): *vorn/hinten*, а также два элемента, обозначающие вторую горизонталь (y-Achse): *links/rechts*.

Базовой предпосылкой для однозначного употребления или интерпретации этих языковых элементов является имплицитный/эксплицитный выбор указанных координат. В качестве таковых пользователю языка могут служить различные показатели: координаты собственной личности, слушателя или объектов окружающего мира.

Что касается вторичных пространственных дейксисов, продолжает А. Фридеричи, то в зависимости от выбора речевым субъектом соответствующих параметров лингвисты различают два способа употребления этих элементов, типичные, опять-таки, для всех языков мира (ср.: [11; 13]).

Безусловно, данный факт свидетельствует об универсальном характере подразумеваемого лингвистического или, скорее, когнитивного феномена. Итак, если говорящий выбирает в качестве исходной системы координат собственное тело или собственную визуальную ориентацию, то он использует языковые элементы *дейктически*. Если же в роли референта выступает, например, сам объект со своим определенным «фронтом», то речь идет о так называемом *интринзическом* способе. В целом же, как подчеркивает А. Фридеричи, любой способ употребления лексики пространственной семантики является интринзическим (*intrinsisch*), когда выбирается перспектива, не зависящая от говорящего.

Попутно считаем необходимым отметить, что употребляемый А. Фридеричи термин *intrinsisch* (англ. *intrinsic*), не получивший распространения в отечественной лингвистике, впервые упоминается в 1972 году, а затем в 1976 году в коллективной монографии «Language

and Perception» Дж. А. Миллера и Ф. Н. Джонсона-Лэрда в следующем контексте: «We will contrast the deictic system with the *intrinsic* system... in the deictic system spatial terms are interpreted relative to *intrinsic* parts of ego, whereas in the *intrinsic* system they are interpreted relative to *intrinsic* parts of something else» [12, p. 396].

Согласно гипотезе Миллера – Джонсона-Лэрда (1972) выбор элементов вторичных пространственных дейксисов зависит от свойств описываемых объектов, однако, как подчеркивает со своей стороны А. Фридеричи, ряд экспериментальных исследований (Linde, Labow, 1975; Ullmer, Ehrich, 1982; Ehrich, 1985) доказал, что определяющим фактором при этом являются прежде всего условия организации дискурса. Таким образом, выбор перспективы оказывается связанным с необходимостью нахождения возможно более целостной для слушателя схемы описания (здесь и далее см.: [10, S. 25]).

В результате, констатирует А. Фридеричи, при потенциальном наличии трех различных перспектив – дейктической, то есть соотносящейся с говорящим, и двух интринзических, соотносящихся со слушателем или объектом, – в речи наблюдается доминирование дейктического способа употребления пространственных предлогов. Подтверждением этому послужила также серия научных опытов, осуществленных группой немецких исследователей (автор упоминает такие фамилии, как Бюркле (Bürkle), Нирмайер (Niermaier), Герман (Herrmann)), в ходе которых изучалось влияние присутствия слушателя на выбор пространственных выражений говорящим.

По нашему мнению, из вышеизложенного становится вполне очевидно, что выбор языковых локальных маркеров не носит произвольный характер, а обычно является обусловленным «сиюминутной» позицией субъекта речевой деятельности в пространстве.

Кроме того, в подразумеваемом контексте вполне логичной видится мысль о том, что языковое изображение пространственной информации всегда осуществляется по *иконическому принципу*. Если говорящий не делает специального комментария, слушатель исходит из предположения, что любое новое событие, о котором сообщается, совершается на том же самом месте, в той же точке пространства, что и все до этого упомянутые события.

В связи с этим мы бы хотели напомнить суть концепции немецкого лингвиста В. Эрих, которая отмечает, что каждое новое сообщение сохраняет в силе ранее введенную точку локальной референции (здесь и далее см.: [8, S. 7–13]). Следовательно, для пространственной информации действует принцип сохранения, а для информации временного характера – принцип перемещения говорящим точки референции в процессе организации дискурса. В этой асимметрии иконически отражается, с точки зрения исследователя, то обстоятельство, что мы концептуализируем пространство как статический, а время как динамический феномен.

Однако поскольку, пишет В. Эрих, в статическом описании пространства любое новое утверждение, с одной стороны, вводит новый

компонент пространственной информации, а с другой — сохраняет уже однажды введенную точку ориентации, релевантным для пространства становится динамический аспект, а для временной информации — статический аспект. Если же в зависимости от обстоятельств пространственная информация подается статически, тогда для ее языковой реализации характерны локальные маркеры вторичных дейксисов типа *vor*, *hinter*, *links*, *rechts*. Но преимущественно она организуется все же динамически как воображаемое путешествие, когда говорящий словно ведет за собой своего слушателя по описываемой местности и последовательно вводит в свое сообщение отдельные пространственные координаты в качестве определенных этапов на этом пути.

Впрочем, говоря о пространственных дейксисах, следует подчеркнуть, что некоторые немецкие лингвисты предлагают в данном контексте все же различать в процессе коммуникации пространства различного «качества». Так, в частности, К. Эрлих комментирует необходимость подобного различения следующим образом: посредством дейктических средств говорящий, безусловно, управляет вниманием своего слушателя, но при этом оба, говорящий и слушающий, могут апеллировать к различным пространствам.

Ученый выделяет в этом плане целый ряд соответствующих пространств [9, S. 250–251]:

- *пространство времени речевого действия* (Sprechzeitraum), внутри которого коммуниканты способны достигнуть определенности, используя собственные органы чувств;
- *речевое пространство* (Rederaum), когда внутри дискурса говорящий дейктически ссылается на что-либо, что уже было упомянуто ранее;
- *текстовое пространство* (Textraum), где говорящий вычленяет речевые действия из речевой ситуации и облекает их в текстовую форму;
- *пространство воображения* (Vorstellungsraum), то есть говорящий набрасывает в процессе рассказа картинку, в рамках которой он осуществляет дейктические ссылки для ориентации внимания слушателя, а слушатель в своем воображении воссоздает воображаемое пространство *говорящего*, чтобы понять, что имеется в виду.

Мы полагаем, что точка зрения К. Эрлих представляет достаточный интерес в аспекте исследуемой проблемы и поэтому должна учитываться при рассмотрении вопроса особенностей вербализации концепта «пространство» на всех уровнях его изучения.

Обобщая все вышеизложенное, мы считаем возможным констатировать то обстоятельство, что при любом подходе к проблеме концептуализации пространства и его языковой репрезентации наблюдается прямая зависимость выбора и употребления локальных маркеров от конкретного субъекта, осуществляющего речевую деятельность, которая направлена на конкретного слушателя. В свою очередь, характерной особенностью данного процесса является наличие нерасторжимой связи пространственных параметров с параметрами временного характера. Благодаря антропоцентричности языка как его онтологического свойства на первый план в понимании и осмыслении человеком мироустройства выходят события и объекты, интерпретируемые в качестве составляющих элементов этих событий.

Список литературы

1. *Беседина Н.А.* Морфологическая репрезентация времени // Единство системного и функционального анализа языковых единиц : межвуз. сб. науч. тр. : в 2 ч. Вып. 7 / под ред. О.Н. Прохоровой. Белгород, 2005. Ч. 1. С. 22–29.
2. *Красных В.В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология : курс лекций. М., 2002.
3. *Кунижев М.А.* Категория «пространство»: ее статус и средства вербализации (на материале современного английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2005.
4. *Пупынина Е.В.* Механизм формирования концепта «пространство» синонимичными существительными абстрактной семантики : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2004.
5. *Сазонова Т.Ю., Бороздина И.С.* Содержание пространственных концептов как отражение культурного знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. №2. С. 27–33.
6. *Худяков А.А.* Семизис простого предложения : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2001.
7. *Downs R.M., Stea D.* Kognitive Karten und Verhalten im Raum – Verfahren und Resultate der kognitiven Kartographie // Sprache und Raum: psychologische und linguistische Aspekte der Aneignung und Verarbeitung von Räumlichkeit; ein Arbeitsbuch für das Lehren von Forschung / hrsg. von H. Schweizer. Stuttgart, 1985. S. 18–43.
8. *Ehrlich V.* Die temporale Festlegung lokaler Referenz // Raumkonzepte in Verstehensprozessen: interdisziplinäre Beiträge zu Sprache und Raum / hrsg. von Ch. Habel. Tübingen, 1989. S. 1–16.
9. *Ehrlich K.* Literarische Landschaft und deiktische Prozedur: Eichendorff // Sprache und Raum: psychologische und linguistische Aspekte der Aneignung und Verarbeitung von Räumlichkeit; ein Arbeitsbuch für das Lehren von Forschung / hrsg. von H. Schweizer. Stuttgart, 1985. S. 248–263.
10. *Friederici A.* Raumreferenz unter extremen perzeptuellen Bedingungen: Perception, Repräsentation und sprachliche Abbildung // Raumkonzepte in Verstehensprozessen: interdisziplinäre Beiträge zu Sprache und Raum / hrsg. von Ch. Habel. Tübingen, 1989. S. 17–36.
11. *Lindemann B.* Einige Fragen an eine Theorie der sprachlichen Perspektivierung // Perspektivität in Sprache und Text / hrsg. von P. Canisius. Bochum, 1987. S. 1–51.
12. *Miller G.A., Johnson-Laird Ph. N.* Language and Perception. Cambridge, 1976.
13. *Wunderlich D.* Raum, Zeit und das Lexikon // Sprache und Raum: psychologische und linguistische Aspekte der Aneignung und Verarbeitung von Räumlichkeit; ein Arbeitsbuch für das Lehren von Forschung / hrsg. von H. Schweizer. Stuttgart, 1985. S. 66–89.

Об авторе

Людмила Михайловна Бондарева — канд. филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.
E-mail: bondareva.koenig@mail.ru

About the author

Prof. Lyudmila Bondareva, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.
E-mail: bondareva.koenig@mail.ru